

Такъ въ 1096 г. у Половцевъ были взяты *скоты*, кони, верблюды и челядь; въ 1103 г. у нихъ: „взяша *скоты* и о. цы, и коней, и польблуды и нежѣ съ добитиомъ и челядью¹⁾“; въ 1152 г. Мстиславу Изяславичу пособилъ Богъ побѣдить Половцевъ и *скоты* ихъ зая и множество душъ христіанъ отполоми; въ 1185 г. было тоже; въ 1190 г. около Протолочій Русскіе забрали стада многи половецкіи въ дѣтировскихъ лугахъ. Въ слѣдующемъ году „ополомишеся *скотомъ* и конями; въ 1206 г. у Половцевъ стада заяша) „ Впрочемъ не одни военныя столкновенія доставляли русскимъ скотъ отъ степныхъ народовъ; во время мирныхъ сношеній или между Русскими и кочевыми народами шла торговля скотомъ, какъ надобно полагать мѣшочамъ; но въ лѣтописяхъ и сказаніяхъ того времени болѣе встрѣчаются свидѣнія по коневодству, между прочимъ, есть и извѣстія, гдѣ Владиміръ Мономахъ говоритъ, что онъ передавалъ Половцамъ много платя и *скоты*²⁾, а Половецкій ханъ Котлякъ одарилъ русскихъ князей, во время нашествія татаръ конями, *буй-салами*, верблюдами и дѣвками³⁾; изъ этого видно, что хорошій скотъ Русскіе добывали у Половцевъ, и у сродственниковъ ихъ Татаръ.

Скотъ вообще признавался русскимъ народамъ за богатство; слово *скотъ* было равно-сильно съ словомъ деньги; такъ Новгородцы „пачаща собирать отъ мужа по 4 кумы, а отъ старей по 10 гривенъ, а отъ бояръ по 18 гривенъ и привеломъ Варягъ — пачаща имъ *скоты*“; въ договорѣ около 1195 г. сказано: „оже схати *скоты* Варягу на Русинѣ и яр.“ Слово скотница означаетъ кладовую, гдѣ хранилось богатство. Владиміръ велѣлъ давать пищамъ отъ *скотиницы* кумами⁴⁾; даже подпѣе за скотницей остается тоже значеніе, — такъ слышится выраженіе: „*скотиница* твоя, по Божіей благодати, не оскудѣетъ“; въ 1145 г. Изяславъ съ братьями раздѣли дворъ Святославъ на 4 части, и *скотиница* и брестыница, и топаръ иже бѣ немочно дѣлѣти⁵⁾.

Развитіе на Руси земледѣлія сначала не могло вызвать потребности въ разведеніи крупнаго рогатаго скота, какъ опоры хлѣбопашества, — множество дѣвственныхъ земель удовлетворяли нужды мѣстнаго населенія; но позже, съ прочнымъ по-

¹⁾ Лаврент. 119. ²⁾ Платен 71, 111. Лаврент. 167, 179. ³⁾ Лаврент. 104
⁴⁾ Пер. Новгород. 40. ⁵⁾ Лаврент. 51. 62. Плат. 27. Гривог. кав. снош. съ Ган-
 зомъ № 2. ⁶⁾ Русск. Доед. Томъ I. 70. Плат. 27. Но полагаемъ, не точно ли
 будетъ выражаться это значеніе кладовой — наз. *скотиница*, отъ *скотъ*, *вопитъ*?

двореніемъ населеніи въ постоянныхъ селѣбницахъ, необходимость скотоводства, какъ главнаго подспорья оsebлности и домашняго хозяйства, побудило и русскихъ обратить вниманіе и на эту важную отрасль. И дѣйствительно, одинъ изъ древнѣйшихъ письменныхъ юридическихъ памятниковъ того времени „Русская Правда“ свидѣтельствуешь о существованіи на Руси—лошадей, коровъ, овецъ и т. д., уже какъ необходимой принадлежности хозяйства, обезпечивая владѣніе имъ, какъ явленіемъ общественнаго благосостоянія.

Изъ Русской Правды 1054 видно), что домашніи животныи продавались на рынкѣ: „аще ли будетъ татѣбно купилъ въ торгу или конь, или порутъ, или *скожина*“. Въ ней же опредѣлено, чтобы онекупъ, когда бралъ имѣніе на сиротъ, передъ добрыми людьми обизывался возвратить все въ цѣлости выѣтъ съ приплодомъ отъ скота, оставляя у себя только ростъ или торговую прибыль, въ награду за труды и понеченіи. Приплодъ означенъ произвольно: теоретически и практически—невозможный; во всякомъ случаѣ изъ словъ Русской Правды видно, что скотъ отдавали въ приплодъ; это въ родѣ того обычая, какой и доселѣ существуетъ въ селахъ—отдавать коровъ изъ телатъ. Въ другомъ тоже древнемъ юридическомъ памятникѣ—псковской судной грамотѣ ²⁾ поставлено: покупать *корову* по какому-то соглашенію, и по окончаніи торго *телямъ* не требовать; если корова окажется больною, то отдать ее назадъ, хотя бы деньги уже были уплачены. Для полноты приводимъ ³⁾ цѣны на скотъ и его произведенія по Русской Правдѣ, съ переложеніемъ ихъ на современную монету.

	Карамзинъ.	Ленковъ	Прозоровск.
Волъ	1 гривна	2 р. 50 к.	12 р. 30 к. 7 р.
По другимъ списк.	3 гривны	7 50	40 21
Корова	40 рѣзакъ	2	13 50 6
По другимъ списк. .	2 гривны	5	26 14
3-хъ лѣтняя корова.	15 купъ	3	4 3
По другимъ списк. .	1 гривна	2 50	12 30 7
Лонцикъ или 2 хъ			
лѣтній теленокъ . ¹⁾	1 гривны	1 25	6 66 3 50 к.
Теленокъ	5 купъ	50	1 30 1

¹⁾ Русская Прав. II. 23, 49 - 51. ²⁾ Псков. Суд. Гр. 27. ³⁾ Русск. Пр. I. 26, 42, II 7. 39. 40. 41. III 49 - 56. Прон. Д. Рус. 297—299. Ист. Р. Р. II. кр. 79. Рус. Наз. и Гов. Ленк. 183 - 185.

Половъ мяса стоила 2 погаты или 70 к. сер. *Коровье молоко* (крынка или удои) оцѣнены 6 погаты или 2 р. 10 к. (?), *сыръ* въ одну куну или 8 1/2 коп. сер.; *горчичь масла* въ 10 рѣзакъ, т. е. въ 1 р. 40 к. сер., а по расчету г. Мешкова въ 2 р. 63 к.

Цѣны, означенныя въ Русской Правдѣ, первоначально соотвѣтствовали дѣйствительнымъ цѣнамъ товаровъ: „оже будешь лице, лице помѣсть, пакн ли лица не будеть, то платити“; позже цѣны измѣнялись, а законъ оставался дѣйствующимъ; впоследствии, когда онъ сталъ очень несообразнымъ съ дѣйствительностью, его измѣнили, почему въ позднѣйшихъ спискахъ Русской Правды цѣны уже повышены.

О содержаніи скота въ древней Руси не сохранилось почти никакихъ свѣдѣній: только въ Русской Правдѣ видно, что скотъ держали въ хлѣвахъ; въ ней постановлено брать штрафы неодинаковый, если скотъ украдутъ изъ хлѣва или на полѣ, т. е. во время паствы ¹⁾; скотъ стерегли на поляхъ стадами, и безъ сомнѣнія способъ современного ухода за нимъ тождественъ съ существовавшимъ въ первое время поселенія его на Руси. Отъ содержания скота получаемыя произведенія употреблялись въ пищу; изъ молока приготовляли, какъ видно изъ Русской Правды, масло и сыръ; объ употребленіи масла во время маслинницы свидѣтельствуется и самое ея названіе ²⁾; въ 1168 г. митрополитъ „запретилъ бѣ Поликарпа, игумена Печерскаго, про господскыѣ праздники, не вели ему испи *масла*, ни *молока*... Князю Черниговскому многаяжды бранитъ ѣсти *мясъ* въ господскыѣ праздники“. Въ древнемъ словѣ, приписанномъ Златоусту, по списку XIV в. гонорится: „проповѣдующе *мясъ* и *молоко* и *масла*... и вся потребная бѣгомъ и на пещь и лююще въ банѣ, мытися имъ велеть“. Въ церковномъ уставѣ замѣчено: „аще про дѣику *сыръ* будетъ краинъ: *за сыръ* гривна ³⁾“ ⁴⁾ значить даже былъ извѣстенъ сыръ, разумѣется не въ современномъ значеніи этого слова, но какъ *жировое*. Въ древней Руси *ѣли* и *говядину* и баранину, поджаривая ихъ на углѣхъ и варя въ котлахъ—какъ это видно изъ свѣдѣній Русской Правды, описаній лѣтописца походовъ Святослава и нпроеъ Владимира ⁵⁾;

¹⁾ Русск. Прав. II 37. 38. Слово *ясли* встрѣчается въ самыхъ древнихъ писанияхъ, точно также какъ слово *мѣби*, подъ которымъ разумѣется *загонъ*, т. е. мѣсто огороженное жердями, устроенное на поляхъ для загона скота. ²⁾ Ипат. 3. 14. 107. Псков. 1, 236. ³⁾ Лавр. 151. Тихон. Лѣт. Лиг и др. ин. IV г. 108. Пол. Соб. лѣт. VI. 84. Паялти. XII в. 179. 185. 190. 191; здѣсь есть указаніе что въ XII в. роду и рожающіе краили хлѣбъ, сыръ и т. д. ⁴⁾ Русск. Правд. 42, 11. 7. Лаврент. 86. 54.

но православная Русь стала вопрошать въ пѣкоторыхъ случаяхъ обыденной жизни мѣстную церковь объ употребленіи мясной пищи, такъ какъ иногда духовенство возставало противъ несвоевременности ея употребленія; такъ въ церковномъ правилѣ митрополита Іоанна Якову Черниговцу объясняется: „и въ великое гортѣіе мяса идятъ... Подобаетъ всякимъ образомъ направляти и возбраняти ту злобу наказаніемъ... митрополиту у пища и пѣ казни“¹. Изъясляемъ спрашивалъ Θεодосіа Печерскаго: „аще есть подобно ли день воскресный, еже есть недѣля закатити ли *солъ*, ли *опытъ*, или что отъ тѣхъ и аще подобно *мясо* ихъ *исти*.“ Въ вопросахъ Киррика находимъ такого рода замѣчаніе: „мужу грѣшну связану снѣтнѣей отнюдь ему не *исти мясо*... и на велюкъ день“)“. Но пища мясная была кажется только достояніемъ зажиточныхъ людей, а большинство народа, какъ видно по лѣтописямъ, употребляло въ пищу зѣбрей, птицъ и прочихъ животных²), а въ самую древнюю пору даже и конину (лошадное мясо).

Считаемъ необходимымъ сообщить свѣдѣнія и о видахъ крупнаго рогатаго скота, хотя не порабощенныхъ, но извѣстныхъ нашимъ давнимъ предкамъ. Таковы: *туръ*, вымершій, часто упоминаемый въ сказочныхъ былинахъ, и *зубръ* еще отчасти уцѣлѣвшій.

Туръ по народной поэзіи древней Руси считался представителемъ силы, храбрости и быстроты. Это было животное рослое, крупное, съ длинными рогами, крутыми ребрами, тѣлой масти, травоядное. Онъ любилъ держаться въ мѣстахъ сырыхъ, болотныхъ и лѣсныхъ, какъ привольныхъ для корму и уединенныхъ; обиталъ по при дѣпрюшкѣ, не далѣе верхнихъ притоковъ Дюнца по Волынской землѣ и въ пущахъ Литвы. По предположенію ученых³), онъ есть видъ дикаго лѣснаго быка, вѣроятно съ какими нибудь особенностями. Встрѣчался онъ въ названныхъ выше мѣстахъ съ X по XIV в. н. нашего лѣтоисчисленія, но въ XVI в. дожили уже свой вѣкъ въ Мазовіи на границахъ съ Литвою и тамъ вымеръ. Этотъ буй-туръ вошелъ въ до-историческую эпоху (дильувіальный періодъ) во всей Европѣ, а также и Руси, въ древнихъ сказаніяхъ которой встрѣчается его имя: такъ Владиміръ Мономахъ въ своемъ замѣчаніи (конца XI или начала XII в.) описывая свои походы и подвиги, говоритъ о своихъ охотничьихъ гонахъ на разныхъ зѣбрей, водившихся въ При-дѣпрювьи: „кромѣ пнаго лона, кромѣ турова, ниже

¹) Русск. дост. 1. 10. 90. 91. 100. Учен. Зап. Акад. Наук. II, 2. стр. 218. Нер. Р. Церк. Шир. 88. Памяти. XII. в. 189. . Января. 161; ²) Прюл. др. Русп. 41. 76—80. ³) Появки по вымери. туръ II. Д. Пѣлосва. Зап. Об. Акад. 1866 г.

со отцемъ лопилъ ссыи великій зыгр... тура два метала мн на рю-
зыхъ и съ конемъ....“ Далѣе Ипатьевская лѣтопись упоминаетъ
подъ 1201 г. о турѣ какъ символѣ; въ народныхъ былинахъ упо-
минается объ употребленіи туровыхъ роговъ на чаши для столоваго
питья, и изъ нихъ же отдается предпочтеніе туру лигнотскому по-
средъ при-дѣйствованіемъ, какъ болѣе сильному, могучему. Нѣкоторые
города и урочища получили свое названіе отъ тура, такъ въ Ипатьев.
лѣт. подъ 1205 упоминается о г. Турійскѣ и р. Турѣ на Волгѣ; въ
древней Руси былъ г. Туровъ¹⁾ Сохранившіеся названія урочищъ,
записанныхъ у Ходаковского, свидѣтельствуютъ, что область рас-
пространенія тура была въ древности очень обширна; такъ на суще-
ствованіе тура въ Московской и Рязанской землѣ указываютъ слѣ-
дующія урочища: рѣчка Туренка въ Дмитріевскомъ уѣздѣ Орловской
губ., другая рѣчка Туренка въ Веневскомъ уѣз. Тульской губ., рѣчка
Туря въ Серпуховскомъ уѣз. Московской губ. и Туровскій лѣсъ
въ Зарайскомъ уѣз. Рязанской губ. На сѣверъ отъ Смоленской
земли предѣлы обитанія тура по указанію урочищъ идутъ въ та-
комъ порядкѣ: Турово въ Торонскомъ уѣз. Псковской губ., Ту-
рово—Новгородской губ. въ Новгородскомъ уѣз., Турово въ Твер-
ской губ. Тверскомъ уѣз., затѣмъ на сѣверо-востокъ: Турово въ
Ростовскомъ уѣз. Ярославской губ., Тура рѣчка въ Костромской
губ., Туровское озеро въ Костромскомъ уѣз., наконецъ на крайній
сѣверный и сѣверо-восточный предѣлы обитанія тура указываетъ
Туронская пустошь въ Грязовецкомъ уѣз. Вологодской губ. и Ту-
ровъ рогъ въ Галицкомъ уѣз. Костромской губ. Такимъ образомъ
туръ на востокъ доходилъ—съ одной стороны до верховьевъ Дон-
ца, съ другой же стороны по теченію Оки до Серпухова и Зарай-
ска, а на сѣверъ и сѣверо-востокъ до Ладони (гдѣ есть Туронъ
пустошь), Грязовца и Галича Мерякаго или Костромскаго. Далѣе
этихъ передѣловъ, судя по указанію Книги Большаго Чертежа,
мы на югъ встрѣчаемъ урочище Туры Луки при верховьяхъ рѣки
Мерчика одного изъ верхнихъ притоковъ Донца; и въ глубокомъ
сѣверо-востокѣ намъ попадаются города — Верхотурье въ Перм-
ской губерніи и Туринскъ въ тобольской губ. и рѣка Тура выте-
кающая изъ уральскихъ горъ и впадающая въ Тоболъ.); далѣе

¹⁾ П. Р. Г. т. I, стр. 222 — назывъ такъ отъ Варяга Тура, укрѣпленнаго этою областью. Едва ли это справедливо; но все-таки, что слово тура — варяжское, усвоившееся, и вышедшее русскому въ лѣтнихъ варяжскихъ турить, турять и т. д. 2). Впрочемъ Тура, Туринскъ, Верхотурье одинаки происходятъ отъ древняго быка тура—а сворѣе отъ туры, какъ въ глубокомъ сѣверѣ на

этихъ передѣловъ мы не имѣемъ никакихъ указаній на существованіе тура, да и на эти предѣлы указываютъ только названія урочищъ, другихъ же извѣстій нѣтъ ни въ повгородскихъ, ни въ московскихъ, ни въ рязанскихъ памятникахъ, — слѣдовательно и здѣсь туръ водился только въ до-историческую эпоху на памяти же исторіи остались одни слѣды его.

Самыя обстоятельныя свѣдѣнія о турѣ встрѣчаются въ замѣчательныхъ запискахъ Герберштейна. ¹⁾ Описывая звѣрей, водившихся въ Литвѣ и ея земляхъ, во время его посольства туда (1517), онъ говоритъ: „Дикій быкъ—буйволъ (wis, ugoł, ugoł) живетъ только въ Мазовіи, сопредѣльной съ литовскою землею, и туземными жителями наз. туромъ. Это настоящіе лѣсные быки, ничѣмъ не отличающіеся отъ быковъ домашнихъ, развѣ только тѣмъ, что всѣ они черные и имѣютъ вдоль хребта бѣловатую полосу на подобіе линіи; этого звѣря не много, и есть извѣстныя селенія и округа, которымъ поручено смотрѣть и хоить за ними, и его берегутъ не иначе какъ въ загонѣхъ и лѣсныхъ звѣринцахъ. Туры случаются съ домашними коровами; но это сопровождается дурными послѣдствіями для нихъ, ибо послѣ, какъ обезчестившихся, не допускаются другими турами въ свое стадо, да и телата, происходящіе отъ такоюи помѣси не живутъ; ²⁾ дорого цѣнятся шкура, сдѣланные изъ туровой кожи, и есть повѣрье въ народѣ, что они помогаютъ при родахъ“. Къ описанію Герберштейнъ приложилъ рисунки тура и зубра. Туръ, изображенный на рисункѣ, ни чѣмъ не отличается отъ домашняго быка, но насколько вѣрнѣе рисунокъ — отвѣтить невозможно. Герберштейнъ, называя тура лѣснымъ быкомъ и приложивши рисунокъ его, не представилъ никакихъ измѣреній и описаній, которыми бы помѣнили намъ размѣры и отношенія разныхъ частей тура. Крохъ Герберштейна, о турѣ говоритъ Мартинъ Кромеръ въ своей исторіи Польши; по его слъху: „туры или лѣсные быки, въ его время держались только въ лѣсахъ Мазовіи около Вискистоу“. Тоже подтверждаетъ и другой историкъ XVI в. Гуанъ; онъ, описывая Мазовію, говоритъ: „эта страна орошаемая Вислою, Наревомъ и Вугомъ, одна только производитъ черныхъ лѣсныхъ быковъ называемыхъ на мѣстномъ языкѣ турами“. Тоже повторяетъ писатель конца XVI в. Іоаннъ Вотеръ.

народномъ языкѣ наз. всякіе поросніе кіросты (Област. Словарь изд. Акад. Наукъ).

¹⁾ Записки Гербершт. изр. Латинскомъ стр. 166, 167. ²⁾ Это знаменательное свидѣтельство о скрещиваніи побудило ввести въ настоящій очеркъ свѣдѣнія о турѣ.

Зубръ ¹⁾, уцѣлѣвшій только на Русь и то въ Вѣловѣжской буицѣ (пужанск. уѣз. гродниск. губ.) и смежныхъ съ ней: Сынслочской (гр. Тиликевича), Яловской, Омельнецкой, составляющихъ ея части и прилежащихъ къ ней лѣсахъ, находящихся по владѣніи г. Эйсмонта и гр. Снверса, да на Кавказѣ—по берегамъ Кубани до истока Ценба, Абхазіи (племя Псехи,) гдѣ мѣсто постояннаго ихъ появленія — западнскій округъ, въ уцѣлѣхъ Волынаго Зеленчуга, въ верховьяхъ четырехъ притоковъ Кубани, на верховьяхъ двухъ Дабъ, Зеленчуга и Урупа. Жилъ зубръ издревле по Скиѣи, такъ какъ Плиній (книга VIII, глава XV. 75) упоминаетъ въ ней два вида дикихъ быковъ, именно: украшеннаго гривною бизона и отличающагося силою и быстротою ура. Кромѣ этого писателя о бизонахъ или зубрахъ упоминаетъ Павзаній, Сепекка, Солинусъ и Оппианъ, изъ которыхъ второй говоритъ о неприручности зубровъ, а послѣдній о нероховатости ихъ языка. Въ началѣ XVI в. Герберштейнъ ²⁾ сдѣлалъ рисунокъ и описалъ зубра; онъ говоритъ: „Литва имѣетъ еще бизонтовъ (Bison), буйволовъ (urus). Бизонта литовцы называютъ на своемъ языкѣ зубромъ (Suber), германцы неправильно зовутъ его анго или уго, каковое имя прилично буйволу, который имѣетъ совершенно бычачью форму, тогда какъ бизонтъ совсѣмъ другаго вида. Бизонты съ гривной, шея и плечи у нихъ косматыя, борода висющая съ подбородка, волосы нахнуты мускусомъ, голова короткая, глаза большіе шалые, какъ бы пылающіе, лобъ широкій, рога по большей части расположены такъ, что въ промежуткѣ между ними могутъ уцѣсться три хорошо сложенныхъ человѣка, спина зубра приподнимается къ видѣ горба, такъ что передняя и задняя часть животнаго ниже середины; языкъ у него нероховатъ и жестокъ, имъ онъ быстро схватываетъ и притягиваетъ однимъ прикосновеніемъ языка къ одеждѣ“, и далѣе описываетъ охоту за нимъ; по даннымъ объ его одомашниваніи или о попыткахъ къ скрещиванію съ коровами не представляется. Наши лѣтописи и сказанія не упоминаютъ вовсе о зубрѣ, пѣтъ даже урочищъ, названіе которыхъ напоминало бы о зубрѣ.

Почему, въ народныхъ памятникѣхъ не упоминается о зубрѣ—объяснить трудно. Это умолчаніе наводитъ на вопросъ о тождествѣ или разности зубра и тура, т. е. названіе туръ (изъ-германцевъ) относилось-ли къ животному дѣйствительно современному съ зуб-

¹⁾ Зубръ ст. Усова; Указ. Зоол. сад. Минь. стр. 27 — 29. ²⁾ Записки Гербершта. 166, 167.

ромъ, или же есть только другое названіе зубра? Вѣроятно, что туръ и зубръ суть два названія двухъ пѣкорда жившихъ совместно видовъ быка; когда же поимемеръ или лучше сказать перечесть одинъ изъ нихъ въ домашнее состояніе, то оба названія сдѣлались названіями одного вида; — таково мнѣніе зоолога. ¹⁾

Нельзя не упомянуть здѣсь и о *буйволахъ* періодко встрѣчающихся въ нашихъ лѣтописяхъ. Такъ половецкій ханъ Котлякъ одарилъ русскихъ князей во время нашествія Татаръ (1224 г.) между прочимъ и буйволами; водились они и въ юго западной Руси ²⁾. Въ лѣтописяхъ упоминается, болѣе всего когда рѣчь идетъ о Татарахъ, какъ бы особнякомъ отъ скота о *солѣ*. ³⁾ Что понималъ лѣтописецъ подъ выраженіями: буйволъ и волъ — опредѣлится трудно, но несомнѣнно, что они не однозначущи со *скотомъ*; — этимъ послѣднимъ словомъ называютъ домашн.й *крупный рогатый скотъ*; припомнимъ, что самыя домашняго рогатаго крупнаго скота въ южной Россіи досихъ-поръ называютъ *буяями*, *буяйчиками*, названіе же *волъ* даютъ кладеному самцу.

Нѣтъ ли чего общаго между зубромъ, буйволомъ и воломъ? Встрѣчается же въ былыхъ выраженіяхъ—буйтуръ? По этому вопросу всѣ изслѣдованія по лѣтописямъ и сказаніямъ остаются безплодными.

Нашъ бѣглый очеркъ развитія тогдашняго скотоводства мы начинаемъ съ описанія состоянія его въ южной Руси, куда сначала главнымъ образомъ и тянула экономическая дѣятельность раздѣленной ульблицы.

Южная Русь была богата скотомъ и хорошими лошадьми, потому что тамъ съ одной стороны были отличныя пастбища, а съ другой — легкій и дешевый способъ приобрести скотъ отъ кочевыхъ народовъ. Татарскій скотъ былъ въ славѣ на Руси. Это видно изъ лѣтописнаго сказанія о Инѣ Усмошвецѣ: «Велики добыти — говорятъ онъ — поля татарскаго — велика и сильна, поднои его медомъ сильнымъ... изыскали поля весьма высока, рука недосяжетъ и сильна пресылины». ⁴⁾ Въ 1224 г. при встрѣчѣ съ Татарами Русскіе на полѣ половецкомъ забрали множество стадъ: «взяше скоты ихъ а со стады утекоша, яко немъ воемъ напоити⁵⁾ скота». ⁶⁾ Послѣ побѣды на Кули-

¹⁾ Усовъ ст. Зубръ 64. ²⁾ Пер. Новгород. Лѣт. 40. Проя. д. Рус. 3. 44. ³⁾ Лѣтоп. Перелес. 32. Сказан. Сахар. II стр. 98 Чт. об. II. и Др. Рус. 1862 2, IV 485. Полн. Собр. Лѣт. VI. 97. Истор. Р. II III кр. 88. ⁴⁾ Лѣтоп. Перелес. 32. ⁵⁾ Никитенъ 164.

ковомъ полѣ въ 1380 г., одержанной Донскими: „мнози вои его возирадованися яко обрѣтающе корысть многу, пригнаша бо съ собою много коней и пельблуды и волы: нмѣ же нѣтъ числа.“¹⁾ Татары были богаты скотомъ; это замѣчено²⁾ въ описаніи хожденія Пимена въ Царь-Градъ 1392 г.: «стадажъ татарскіи видѣхомъ толнко множество якоже уже унѣ превосходятъ овцы, козы, волы, велблуды, кони.» По Дону и Медвѣдицѣ „всякихъ скота стадъ безъ числа много.“ Причемъ Плано Карпини замѣчаетъ, что: «у татаръ не было ни сѣна, ни соломы» — слѣдовательно рогатый скотъ также какъ и лошади угонялись въ степь и находили себѣ кормъ подъ снѣгомъ.

Сѣверная же Русь, или точнѣе область земли Великаго Новгорода и Пскова, была не скуднѣе скотомъ, такъ какъ разведение рогатаго скота, по сказаніямъ лѣтописцевъ, было распространено даже у инородцевъ, входившихъ въ предѣлы новгородскихъ владѣній: Емь, Корела, Чудь, а также и въ древнежъ Заволочіи, близкей окраинѣ Вѣлаго моря и Сѣверной Двины, куда двинулась еще въ X в. предприимчивая колонизація Новгородцевъ, а вмѣстѣ съ нею проникла и потребность домоводства. Лѣтописцы называютъ: «Печору, Емь, Литву (Чудь) и сперва и некои данницы и конно-кормцы»; земли у Корель были малоудобны для посѣва, а потому скотоводство и должно было быть у нихъ главнымъ занятіемъ. Въ XIV в. страна ихъ названа Новгородцами Кобылицею Корела; разумѣется тутъ говорится о коневодствѣ, но естественнымъ спутникомъ лошади при осѣдлости является и рогатый скотъ, тѣмъ болѣе что Корелы жили въ городахъ своихъ погранично Скандинавіи, а потому не могли не цѣнить значенія рогатаго скота въ домашнемъ обиходѣ. Что же касается до Печоры, то тамъ въ X в. Новгородцы даже застали поклоненіе быкамъ и козламъ:³⁾ слѣд- нмъ (Печорѣ) уже былъ извѣстенъ рогатый скотъ. Новгородскіи и псковскіи лѣтописцы сообщаютъ очень мало свѣдѣній о состояніи скотоводства въ ихъ краю. Подъ 1240 г. мы находимъ въ нихъ отмѣтку лѣтописца: что Пѣмичи и Чудь „нои́маме на лугѣ вси кони и скотъ и пельзъ бѣла орати по селамъ и печимъ“;⁴⁾ кро- мѣ враговъ, развитіе скотоводства постоянно подрывали пости- гавшія страну общественныя бѣдствія: моровымъ повѣтріи, пональ-

¹⁾ Сказ. о Мам. Поб. въ Н. Собр. Лѣт. VI. 97. ²⁾ Сказ. Рус. Нар. Сахар. 11, стр. 93 въ отд. путеш. Чт. Общ. Петер. 1862. 2. IV, 485. Плано-Карпи. у Измакова 81. ³⁾ Перевел. Лѣт. 2. Lehrberg Unters. b. d. alt. Gesch. Russl. 120 Сѣверно. Рус. Народ. 1 412. ⁴⁾ Пискарев. 279.

ныя болѣзни, засухи, ливни, голодъ. Эти бѣдствія случались нерѣдко, перепоря уже объ ужасныхъ пожарахъ, тоже неблагоприятно вліявшихъ на развитіе мѣстнаго хозяйства. Въ Новгородѣ въ 1230 г. сдѣлалось *моровое погымріе* на людей и на скотъ разохъ; отъ скотскаго падежа былъ такой страшный смрадъ, что невозможно было проходить по городу ¹⁾; въ Псковѣ — тоже явленіе послѣдствіе голода, и въ 1298 г. на всемъ сѣверѣ, т. е. въ полостяхъ новгородскихъ и Пскова, отъ засухи сдѣлалась нужда вслѣд, загорѣлись сами собою лѣса и болота, и былъ падежъ *скота* ²⁾. Послѣдствіемъ всего этого разумѣется была дороговизна мяслага и вообще сѣбствіаго припаса, на которую имѣли вліяніе и войны и постоянныя усобицы новгородской земли. Такъ въ 1228 г. Ярославъ привелъ войско въ Новгородъ, собираясь идти на Ригу: „издорожилися все въ торгу и хлѣбъ и мѣс и оттолъ ста дороговъ“. Торговали же этимъ припасомъ отдѣльные промышленники, на что намекаютъ слѣдующія слова: „въ 1262 г. подъ Юрьевымъ изъ Новгородцевъ: мужа добра застрѣлени изъ города и Петра убиша *Мясниковы*“ ³⁾. Изъ прозвища можно заключить о запитіи, усвоенномъ себѣ тѣмъ лицомъ или непосредственно, или отъ предковъ. Въ торговыхъ договорахъ (скрахъ) Новгородцевъ съ Нѣмцами (1270 г.) есть выраженіе цѣнности *ишедъ* ⁴⁾ — вѣроятно штука скота или кусокъ мяса. Встрѣчаются на древнемъ языкѣ и дробныя названія частей мяса: стигъ мяса, косякъ мяса, полоть мяса и окорокъ мяса. ⁵⁾ Даже извѣстно, что въ XIV в. полоть мяса стоила 2 алтына или на нынѣшнія деньги болѣе 36 к. сер. ⁶⁾ Продукты скотоводства тоже, сколько можно судить, были дешевы; такъ въ Новгородѣ по договору его съ Нѣмцами (1270 г.) положено платить за горшокъ масла 3 моравы или 60 к. сер. слиткомъ. ⁷⁾ Въ новгородской и псковской землѣ на мѣстномъ жарѣчій снадобья (молоко, сметана, масло, творогъ), получаемыя отъ коровъ, наз. *вомяю*, и эти предметы, умножаемые въ лѣтописяхъ на ряду съ хлѣбомъ, солью, виномъ и медомъ, символизировали гостепріимство; такъ въ 1473 г., когда въ Изборекѣ Псковичи встрѣчали невѣсту великаго князя Ивана Васильевича, то она благодарила ихъ на хлѣбѣ соли и вологи; словомъ тамъ

¹⁾ Сѣвер. Парод. Рус. Кост. т. 2 — 168. Пер. Новгород. 47. ²⁾ Никонов. III. 95. ³⁾ Пер. Новгород. 43 57. ⁴⁾ Сѣвер. Рус. Пар. II 191 — 241. Рогатый скотъ вѣдарицу наз. также и говядо; (Ипатьев. 177). Латин. *bova* корова. Литовское — *howada* — стадо; греческое *Βόσχος* Іоѡх. Извѣст. Ак. Науч. I. 109. ⁵⁾ Собр. Грам. II 54 55. Акты Истор. I 156 321. ⁶⁾ Пром. д. Рус. 299. (⁷⁾ Cod. dipl. Lubec II XXII. 99.